

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 29-го Мая 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10304.

НЕСЧАСТЬЕ.

(Миниатюра).

Павелъ Ефимовичъ сидѣлъ на балконѣ маленькой прятавшейся въ зелени дачки, смотрѣлъ на догорающую зарю и предавался горькимъ размышленіямъ о легкомысліи женщинъ. Если бы небо было облачно, а Павелъ Ефимовичъ шалилъ стихами, онъ, навѣрно, сравнилъ бы измѣнчивую женскую любовь, измѣнчивую женскую вѣрность съ быстро менѣющимися формами облаками, похожими то на крокодила, то на змѣю и вмѣстѣ съ тѣмъ на хитрую и коварную женщину. Но небо было безоблачно, а Павелъ Ефимовичъ уже лѣтъ двадцать на мѣстѣ службы аккуратнымъ образомъ подписывалъ отношения и донесенія и никогда, даже во времена юности, не писалъ стиховъ. И потому о женскомъ непостоянствѣ Павелъ Ефимовичъ думалъ безъ всякаго отношенія къ облакамъ.

Павелъ Ефимовичъ только что вернулся отъ своего друга Цвѣткова, такого же почтенного и аккуратнаго человѣка, какъ онъ самъ. Зашелъ онъ къ Цвѣткову сияющей, радостной, съ отличной цѣлью прихватить его и идти вмѣстѣ на винтъ къ Дерягинымъ, прекраснымъ и хлѣбосольнымъ людямъ, винтившимъ не только съ увлечениемъ—прямо съ азартомъ, но дѣло не выгорѣло. На дачѣ Цвѣткова было мрачно, прислуга ходила притихшой, съ потупленными глазами, точно въ домѣ былъ трудно больной, а Цвѣтковъ сидѣлъ въ кабинетѣ, уронивъ голову на столъ, и плакалъ. Не успѣлъ Павелъ Ефимовичъ спросить, въ чемъ дѣло, какъ Цвѣтковъ поднялъ на него красные отъ слезъ глаза, опять приникъ къ столу и не сказалъ, а прорыдалъ:

— Ушла, Павелъ Ефимовичъ! Ушла, бросила!

Павла Ефимовича что-то ударило въ сердце: онъ сразу понялъ, что ушла жена отъ Цвѣткова; она была молоденькая, а Цвѣтковъ пожилой, какъ и онъ самъ, Павелъ Ефимовичъ. Судьба Цвѣткова была дорога ему и потому еще, что женились они въ одинъ

годъ, оба на молоденькихъ дѣвушкахъ. Но изъ вѣжливости, а, пожалуй, даже и не изъ вѣжливости, а какъ-то машинально, онъ спросилъ:

— О чемъ ты плачешь? Кто ушелъ?
— Аня... Анна Николаевна ушла.
Среди слезъ и всхлипываній Цвѣтковъ добавилъ:

— Къ Перекусихину. Я давно замѣ-

и дасть ей паспортъ; любить по залому нельзя.

Смоченное слезами письмо валялось тутъ же. Цвѣтковъ сунулъ его въ руки Павла Ефимовича, молчаливо приглашая прочесть. Павелъ Ефимовичъ прочелъ съ скорбнымъ, тяжелымъ чувствомъ. Затѣмъ посидѣлъ еще немножко, повздыхалъ и, наконецъ, молча пожавъ руку пріятеля, ушелъ къ себѣ на дачу. Никакихъ словъ утѣшения онъ не могъ найти; ему казалось къ тому же, что всѣ они были бы не умѣста; Цвѣткову лучше всего было остататься одному и выплакаться.

Сидя на дачномъ балконѣ, Павелъ Ефимовичъ отъ души жалѣлъ Цвѣткова. Хуже того, что случилось съ нимъ, нельзя было и выдумать. И совершенно противъ его воли къ горькимъ думамъ о легкомысліи женщинъ примѣшивалось радостное чувство, что несчастіе случилось не съ нимъ, что жена Цвѣткова измѣнила мужу, а не его жена—ему, Павлу Ефимовичу. Такъ во время желѣзнодорожной катастрофы, глядя на изувѣченныхъ товарищахъ, спасшійся пассажиръ думаетъ въ порывѣ животной радости: „а я живъ, а я цѣлъ“!

И вдругъ страшная мысль, та страшная мысль, которая никогда не ужалитъ спасшагося пассажира, ужалила Павла Ефимовича: кто поручится, что жена ему вѣрна? Кто поручится, что Вѣрочка не обманываетъ его, не изменяетъ ему такъ, какъ жена Цвѣткова измѣнила теперь своему мужу?

На лбу его сразу выступилъ потъ; холодъ, Павелъ Ефимовичъ началъ рѣшать страшный вопросъ за и противъ.

За честность Вѣрочки говорила только его вѣра въ жену; кроме того, у нея были честныя мысли, чистые взгляды на бракъ; мать Вѣрочки была славной женщиной и воспитывала ее хорошо. Это все говорило за Вѣрочку. Но, вѣдь, онъ такъ старъ; онъ ей не пара; демонъ-искуситель силенъ; говорятъ, что грѣхъ сладокъ; того же, что Вѣрочка любить слегка пококетничать, не отрицаютъ она сама; она говоритъ, что это пустяки, шалость, забава, что она молода, весела, здорова; отчего-

Памятникъ героямъ „Стерегущаго“,

открытый 10-го мая въ Петербургѣ въ Высочайшемъ присутствіи.

чалъ кое-что, но не хотѣлъ вѣрить. И вотъ... вотъ...

Оказалось, что, вернувшись со службы, Цвѣтковъ уже не нашелъ жены; она уѣхала утромъ, вскорѣ послѣ его отѣзда въ городъ, забравъ свои вещи и оставивъ ему письмо, въ которомъ кратко извѣщала, что къ мужу ни въ какомъ случаѣ не вернется и просить выслать ей паспортъ. Она писала, что, какъ честная женщина, не захотѣла его обманывать, прятаться за его спиной, дѣлать его смѣшнымъ и надѣется, что, какъ честный человѣкъ, онъ не станетъ ее удерживать

же и не пошутить слегка,—и что, когда ей стукнуть сорокъ, она будетъ скромной скромной женщиной, будетъходить, опустивши глаза, и сидѣть, сложивши на колѣнахъ руки. Все это говорило противъ Вѣрочки. И, наконецъ, самое страшное: почем у у нихъ пересталъ бывать Николай Петровичъ? Вотъ уже цѣлую недѣлю не кажется глазъ.

Николай Петровичъ—онъ же Никъ—былъ милый юноша, сынъ его умершаго товарища; онъ любилъ его, какъ родного; онъ бы былъ доволенъ, если бы его собственный сынъ походилъ на Ника. Отчего же онъ пересталъ бывать? Очевидно, дѣло не чисто. Онъ честный малый: очевидно, ему стыдно глядѣть Павлу Ефимовичу въ глаза. И зачѣмъ искать другихъ возможностей; если эта возможность на лицо?

Когда Павель Ефимовичъ дошелъ до страшной, но правдоподобной мысли о

В. Г. Бѣлинскій.

По случаю столѣтія со дня рождения.

Съ рисунка И. А. Астафьева, находящагося въ галлерѣ Третьяковыхъ въ Москвѣ.

Никѣ скрипнула дачная калитка.

Павель Ефимовичъ поднялъ голову и окаменѣлъ.

Въ садикѣ входилъ Никъ. И еслибы кто-нибудь хотѣлъ писать кающагося грѣшника, лучшей модели и придумать было бы нельзя. Никъ былъ сконфуженъ. Никъ не смѣлъ поднять на Павла Ефимовича глазъ. Даже вошелъ на террасу онъ какъ-то бокомъ, вкось, пожалъ руку Павла Ефимовича и бросился съ отчаяніемъ на стулъ.

— Браните меня, казните меня, Павель Ефимовичъ!—мрачно махнулъ онъ рукой,—но я долженъ сказать вамъ все.

У Павла Ефимовича по спинѣ забѣгали мурашки, глаза замигали, точно передъ ними пронеслось что-то страшное, кровь бросилась къ сердцу и тотчасъ же отхлынула прочь.

Дрогнувшимъ голосомъ онъ спросилъ гостя:

— Что такое... Никъ?

В. Г. Бѣлинскій передъ смертью.

Съ картины, писанной А. А. Наумовымъ.

— Все! — повторилъ Никъ отчаянно.

Онъ стукнулъ рукой по столу иначаъ:

— Я не хотѣлъ приходить къ вамъ, не хотѣлъ на глаза показываться,стыдъ Ѣль мою душу; я ни въ чемъ не находиль оправданія своей гнусности, но... я рѣшилъ: нѣтъ, шалишь, братъ, ступай, признавайся, кайся, казнись...

“Вотъ оно!” — подумалъ старый мужъ.

И онъ уже не радовался свое му счастью при мысли о Цвѣтковѣ. Мало того: ему какъ-то сразу стало вдвое жалче Цвѣткова; можетъ быть, потому, что вмѣсто одного онъ жалѣлъ уже двухъ обманутыхъ мужей, хотя еще и не сознавалъ этого. И въ Никѣ онъ не ошибся. Никъ былъ честный малый. Онъ сдѣлалъ низость, но хотѣлъ не радоваться, не торжествовать, а каяться, искупить вину раскаяніемъ.

— Говори, Никъ... — сказалъ онъ слабымъ голосомъ. — Въ чемъ дѣло?

— Я не могу вамъ смотрѣть въ глаза, Павель Ефимовичъ! — прошепталъ Никъ. — Я обманулъ васъ. Выгоните меня, какъ собаку. Я этого стою. Презирайте меня. Я кругомъ виноватъ передъ вами!

Раскаяніе Ника смягчило сердце Павла Ефимовича. Но злоба кѣженѣ вспыхнула, какъ огонь. Она клялась, давала обѣщанія, обѣты. Она лгала.

— Никъ! — сказалъ Павель Ефимовичъ грустно. — Ты виноватъ, но еще болѣе виновата она.

— Вы думаете?

— Женщины въ этихъ случаяхъ всегда виноваты больше мужчинъ. Я... я презираю ее, Никъ.

— Она такъ хороша, Павель Ефимовичъ!

— Не говори мнѣ ничего о ея красотѣ, Никъ. Ни слова. Эта красота создана на погибель ей и людямъ. Ахъ, зачѣмъ она такъ хороша, Никъ? Отнынѣ...

Павель Ефимовичъ хотѣлъ сказать что то страшное, но голосъ его задрожалъ и обрвался, и онъ горько спросилъ:

— Когда... это случилось, Никъ?

— Въ прошлый четвергъ.

— Подожди, не сразу... Дай приготовиться...

— Господи, вы уѣхали, а я пошелъ рыбу удить отъ скуки; вдругъ меня Рогачевская изъ окна окликаетъ: „идите чай пить“. Я зашелъ. На скучу жалуется: „хорошо бы, говорить, съѣздить въ какой-нибудь лѣтній театръ“. Я растаялъ по глупости, говорю: „дѣйствительно, хорошо; пойдемте“. Она, конечно, съ восторгомъ: „вотъ отлично“!

— Ну?

— Поѣхали; а тамъ коляска. ужинъ...

— Ну, ну?

— Пятидесяти рублей въ карманѣ какъ не бывало!

Павель Ефимовичъ давно уже почувствовалъ, что дѣло идетъ о чѣмъ-то другомъ, и страшные призраки отлетаютъ далеко; но, въ концѣ концовъ, онъ ничего не понималъ.

— Послушай, Никъ, — сказалъ онъ. — Ты что-то путаешь. Почему ты не можешь смотрѣть мнѣ прямо въ глаза? за что я тебя долженъ выгнать вонъ, какъ собаку?

Никъ пожалъ плечами и спросилъ:

— А какое сегодня число?

— Пятнадцатое.

— Пятнадцатаго числа я вамъ обѣщался отдать пятьдесятъ рублей, которые въ прошломъ мѣсяцѣ взялъ взаймы. Въ четвергъ утромъ я получилъ отъ матушки почтой сто рублей, пятьдесятъ приготовилъ для васъ и провергъ ихъ такъ глупо, такъ дико. Бросилъ на прихоть шаловливой бабенки, скучающей въ дому! Презирайте меня, Павель Ефимовичъ, я этого стою. Съ прошлаго четверга я терзаюсь и муучусь!

— Вотъ что...

Павель Ефимовичъ сдѣлалъ серьез-

Отрядъ албанскихъ повстанцевъ въ горахъ.

ное лицо и сказалъ глубоко-мысленно:

— Да... оно, конечно; но Богъ тебя проститъ, Никъ. Кто не былъ молодъ и не дѣлалъ глупостей? Въ другой разъ, надѣюсь, ты будешь умнѣе.

А радость животнаго, радость звѣря, что пострадалъ кто-то другой, а не онъ, все росла и росла въ его сердцѣ, и онъ тщетно пытался ее гнать. Она заливала волной безумья его сознанье, туманила мозгъ, и онъ съ гордой радостью думалъ о „несчастны“:

— И съ чего мнѣ пришла въ голову эта глупость? Вотъ вздоръ!

А. Грузинскій.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Умоизмѣритель.

Это—осзательный предметъ, механическій аппаратъ, выставленный на лондонской коронаціонной выставкѣ. Изобрѣтатель этого аппарата для измѣренія умственныхъ способностей человѣка—солидный англійскій учёный, Джонъ Грэй, казначай лондонского королевскаго антропологическаго института.

„Умоизмѣритель“ представляетъ собой ящичекъ, внутри которого находится вращающееся зеркало.

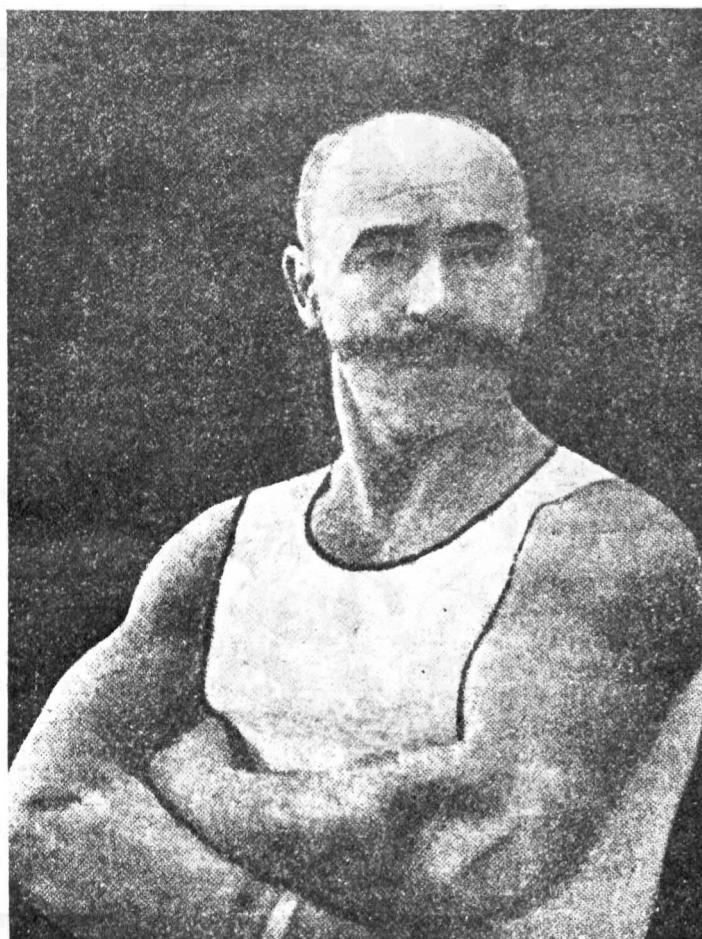
— Мне кажется, что мы съ вами гдѣ-то встрѣчались.

— Невозможно, сударыня, иначе бы я уже давно былъ въ васъ влюбленъ.

(„Fleg. Bl.“)

На это зеркало падаютъ сильные цвѣтные лучи. Лицо, умственные способности котораго подвергаются измѣренію, приставляетъ свой глазъ къ отверстію ящичка, черезъ которое видно вращающееся зеркало. И по той продолжительности времени, какая необходима для того, чтобы глазъ измѣряемаго пересталь моргать, опредѣляется сила напряженія умственной энергіи измѣряемаго.

Ученый изобрѣтатель придаетъ своему изобрѣтенію такое высокое научное и общественное значеніе, что онъ не по-

К. Ф. Вильгальмъ.

По случаю 25-лѣтия спортивной дѣятельности, исполнившейся весной нынѣшняго года.

стѣснялся выставить его на общедоступной выставкѣ, гдѣ онъ открылъ собственное бюро для производства измѣреній. Аппаратъ готовъ. Но для того, чтобы быть въ состояніи сдѣлать научные выводы, систематическая обобщенія, необходимъ богатый статистический матеріалъ, необходимы сотни, тысячи измѣреній. Съ этой цѣлью г. Грэй и устроился на коронаціонной выставкѣ.

— Я измѣрилъ уже,— говоритъ изобрѣтатель,— умственные способности лорда Авсбюри (извѣстный біологъ), сэра Вильяма Крукса (знаменитый физикъ), д-ра Китса (куратарь лондонскаго хирургическаго музея), цѣлаго ряда учёныхъ, нѣсколько дамъ изъ „Луисеум Club“ (извѣстный лондонскій женскій клубъ, въ который принимаются только представительницы свободныхъ профессій) и одного актера.

— Большинство мужчинъ, которыхъ я подвергъ измѣренію, за исключениемъ актера, должны быть отнесены къ V классу моей системы классификации. Въ этотъ классъ входятъ люди, способные мыслить глубоко, вникать въ самую суть вещей, люди, которые, можетъ быть, и не крупные учёные или литераторы, но могли бы быть таковыми по своимъ природнымъ умственнымъ даннымъ. Члены „Луисеум Club“ стоять классомъ выше среднихъ жен-

щинъ. Актёр же подходитъ подъ классъ II, въ который входятъ по преимуществу циники, въ точномъ смыслѣ этого слова,—люди, не способные мыслить и чувствовать глубоко, скользящіе только по поверхности вещей и явленій въ своихъ мысляхъ и чувствахъ.

Г. Грэй измѣрилъ въ общемъ около 200 человѣкъ. Ему нужна, по крайней мѣрѣ, тысяча измѣреній для того, чтобы прийти къ определеннымъ заключеніямъ о классификаціи умственныхъ способностей людей.

Можетъ ли вѣтеръ поднять человѣка?

Въ Англії, въ Брадфордѣ, подняться былъ трупъ шестнадцатилѣтней школьницы Мэри Бейлей около учебного заведенія, въ которомъ она воспитывалась,— умерла она отъ паденія на мостовую съ нѣкоторой высоты. Сначала думали, что тутъ произошло самоубийство, но судебное слѣдствіе отвергло это предположеніе. Нашлись многочисленные свидѣтели, которые видѣли, что Мэри совсѣмъ не входила даже въ школу передъ происшествіемъ, и что она была, кромѣ того, очень весела. Она едва успѣла подойти къ школѣ, когда вдругъ поднялась на воздухъ; а вѣтеръ былъ ужасный, Нѣкій Парсонъ разсказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ этого страннаго факта. Въ девять часовъ утра онъ ждалъ своего извозчика, какъ

Говорятъ, что еловые корни хорошее средство отъ полноты.

— Я думаю! Попробуйте выкопать хоть парочку. („Fleg. Bl.“)

вдругъ недалеко отъ него, на высотѣ около 3 футовъ, пролетѣла дѣвочка съ съ надутой, какъ воздушный шаръ, юбкой. Она находилась на уровне балкона школы, но на балконѣ она совсѣмъ не была. Юбка на дѣвочкѣ была недлинная, немного ниже колѣнъ. Въ концѣ концовъ, было установлено судебнѣмъ вердиктомъ, что Мэри была подхвачена порывомъ вѣтра, поднята на воздухъ и затѣмъ брошена на мостовую.